

Марина Арамишта

Жена
декабриста

Марина Аромштам
Жена декабриста

ИД "КомпасГид"

2011

Аромштам М. С.

Жена декабриста / М. С. Аромштам — ИД "КомпасГид", 2011

Что мы знаем о "временах застоя"? "Все! Это было совсем недавно" – скажут те, чья юность пришлась на те годы. "Ну, это было... Это было довольно давно. Тогда еще существовал Советский Союз", – скажут те, кто родился на излете восьмидесятых, накануне исчезновения этого самого Союза. Но и для тех, и для других книга Марины Аромштам "Жена декабриста" может оказаться откровением. Это попытка осмыслить себя и свое поколение (то, что впоследствии участвовало в перестройке и событиях 90-х), глядя в зеркало женской реальности.

© Аромштам М. С., 2011

© ИД "КомпасГид", 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марина Семеновна Аромштам

Жена декабриста

Часть первая

Три четверти года тундра покрыта белым-белым снегом. Белизна его не случайна. Снег в тундре – источник света. Он должен бороться с темнотой долгой полярной ночи. Ночь стремится к абсолютной власти, захватывает в плен солнце и всю землю с ее растениями – кислой ягодой клюквой и пузырьчатой княженикой, с птичьими гнездами между болотных кочек и лабиринтами мышиных норок. Ночь поражает сердца людей отчаянием, превращая линию жизни в пунктир. Черточки проставлены светом, а пробелы – тьмой и потерями.

Только ненцы, дети Севера, рожденные на нартах, знают, как сохранить непрерывность жизни перед лицом полярной ночи...

Глава 1

Иногда, очень редко, бабушка что-нибудь рассказывала. Еще она пела украинские песни. Я запомнила «Дивлюсь я на небо» и еще одну – про «козынятку». Козынятка собиралась утопиться в польньне, а за ней бежал козел, чтобы не дать ей совершить задуманное. Догнал ли он ее? Это оставалось непонятным и потому тревожило. Несмотря на драматическое свое содержание, песня была бойкой, даже задорной. «Бигла, бигла козынятка лёдком», – пела бабушка высоким, но уже жидковатым голосом, дирижировала сама себе, размахивая рукой из стороны в сторону и кивком приглашая меня присоединиться.

«Она бигла топитыси», – я «плавала» по звуковым высотам, пытаюсь поймать нужную ноту. Мне казалось, судьба козынятки зависит от того, насколько дружно мы с бабушкой исполним конец песни, и потому, не надеясь на свой музыкальный слух, я переходила на громкий, почти отчаянный речитатив: «Стый, коза, не топися!»

Бабушка недовольно качала головой: песня казалась ей испорченной.

Но отсутствие слуха было не единственным моим недостатком.

– Ну, ты поправь носки-то, – говорила она, приглушая голос, словно кто-то мог ее подслушать и заметить мою неопрятность в одежде. – Подтяни их, чтобы ровненько сидели. А то один у лиси, другой – у стриси.

Этой приговоркой я пользуюсь до сих пор. И до сих пор гадаю, что она значит.

* * *

Несмотря на «козынятку» и бабушкины истории, я не любила, когда она к нам приезжала. Все мы – я, брат и мама – заранее знали, что будет.

Раздастся звонок, и она войдет в прихожую, где мы все ее встречаем. Она отдаст маме сумку – так подчеркнуто небрежно всунет в руки, мол, вот гостинцы, разбирай, – а потом тут же, почти без перехода, скажет: что-то Витя очень бледный, и не вырос ни капельки. Ну ни капельки не подрост. Надо же быть таким маленьким! Уже во втором классе, а ростом с пятилетнего ребенка. Мальчик-с-пальчик какой-то!

– Мальчик-с-пальчик! Вылитый! – повторяет бабушка и ловит себя на мысли, что пошутила. Бабушка улыбается. Мы тоже. Мы радуемся, что бабушке кажется, будто она пошутила. Может быть, все еще обойдется. А Ася, вставляет Витька, пусть тогда Красная Шапочка – иначе он не согласен. Это бабушке тоже нравится – думать, будто я Красная Шапочка. Она выглядит спокойной и благодушной, и мама, слегка расслабившись, говорит:

– Ну, проходи же, проходи! Скоро обедать будем.

Это тактическая ошибка. Нужно было промолчать про обед. Тогда неприятный момент можно было бы отсрочить. Ведь самое главное – тянуть время. Но теперь – не получится.

– Что у тебя на обед?

– Рыбный суп, – поспешно отвечает мама.

– Рыбный суп? Почему не щи?

– Я решила сварить рыбный суп, это быстрее. И я вчера поздно пришла с работы, не успела купить капусту.

– Быстрее! Куда тебе торопиться – к смерти? У тебя что – в доме нет капусты? Вообще нет капусты? Ты не кормишь детей капустой?

– Мама, я кормлю детей капустой. Капусты нет только сегодня.

– Что значит – сегодня? Вчера у тебя тоже не было капусты.

– Откуда ты знаешь, чего у меня не было?

– Тут нечего знать. У тебя вчера тоже не было капусты. Ты знаешь, что капуста – источник витаминов? Всех витаминов! Неудивительно, что Витька такой маленький. Он не растет, потому что его не кормят!

– Я кормлю...

– Чем ты кормишь? Я вижу, чем ты кормишь! Ты бы врагов так кормила!

Мы с братом тихонько отступаем в комнату, садимся на диван, но не можем не слышать. Маховик бабушкиного негодования набирает обороты. Ее вопросы звучат все громче. Она раскачивает себя, как лодку, грозя черпнуть бортом воду, и наконец переходит на крик. Мы различаем: «мать-чудовище» и «отобрать детей».

– Да что ты кричишь? Перестань сейчас же! – вдруг срывается мама. – Приехала раз в год, чтобы покричать?

– Я сейчас же уеду!

– Вот и уезжай. Чем так приезжать!

– Да как ты смеешь!

Бабушка внезапно смолкает. Она выходит из кухни, садится на диван и смотрит в одну точку пустыми глазами. Она становится старой и опустошенной, похожей на высохший гриб. Нам с братом страшно, и мы стараемся не смотреть в ее сторону.

Через некоторое время мама появляется в комнате.

– Обед на столе. Давайте садиться.

Мы с братом послушно двигаемся в сторону кухни. Бабушка не шевелится.

– Мама, пойдем кушать. Ну, что ты...

– Ты, ты... – бабушка вдруг оживает. – Неблагодарная тварь! – и тут же снова обмякает.

Мы скорее ныряем за дверь, чтобы не слышать. Мама идет за нами.

– Вернитесь. Позовите бабушку с нами обедать.

Почему-то мы не можем послушаться. Мы возвращаемся и начинаем свой традиционный лицемерный спектакль.

– Бабушка, пожалуйста, пойдем обедать!

– Мы тебя так ждали.

– Мальчик-с-пальчик. – Витьку внезапно озаряет, и он делает верный ход. Я стараюсь не отставать:

– И Красная Шапочка.

От слов во рту становится кисло. Бабушка не двигается. Но мы не сдаемся. Мы пытаемся ее обнять и целуем в щеки. Теперь бабушка кажется чуть менее деревянной.

– Идем, бабушка, идем! – Мы тянем ее за руки в кухню.

Она уступает. И мы рассаживаемся за столом, чтобы съесть суп, приготовленный мамой для врагов. Никто не разговаривает. После обеда бабушка говорит: «Я уезжаю!», но не уезжает, а ждет.

– Ася, иди сюда, – зовет мама и обращается к бабушке. – Бабушка купила для тебя пальто. Ты представляешь?

– Пальто? Какое пальто? – я прикидываюсь папуасом Новой Гвинеи, никогда в жизни не видевшим пальто.

Бабушка взглядывает на меня исподлобья:

– Вроде тот размер. А может – и не тот. Надо мерить.

– Что же делать? – Будто мама не знает, что делать.

– Привози Асю ко мне. Пальто померим. И шубу заодно.

– Шубу? Мама! Ты купила Асе шубу? Что же ты молчала?

– Ну, – говорит бабушка уклончиво. – Я не то чтобы Асе купила. Я просто так купила. Я за пальто знаешь какую очередь отстояла. А тут глядь – еще шубы подвезли. Решила заодно купить.

– Но ведь это очень дорого! – мама почти искренна.

Бабушка довольно молчит.

– Мама, я тебе очень благодарна, что ты нас поддерживаешь. Мы все тебе очень благодарны. Ася, поцелуй бабушку.

Бабушка сама чмокает меня в щеку.

А маму она никогда не целует. Не целует и не обнимает.

Глава 2

В детстве я не любила бабушку, потому что она кричала на маму.

Но потом, лелея свои подростковые женские грезы, я стала думать иначе: я не люблю бабушку, потому что она предала дедушку.

Так было интереснее.

* * *

Деда посадили в тридцать седьмом. И бабушка подписала отказ: она больше не считает себя его женой – раз он враг народа.

Но это было бы полбеды – если беду можно располовинить.

Бабушка непустила деда к себе, когда он вернулся «оттуда». А он так хотел увидеть маму!

Дед не видел дочку больше трех лет: маме едва исполнился год, когда его забрали. Но думал, что сможет ее обрадовать: ведь дети любят конфеты. И когда он пришел – туда, где жили мама и бабушка, – у него был полный карман конфет. Мама уже засыпала. И вдруг – он. Стоит рядом с кроваткой и сыпет на нее сверху конфеты. Леденцы. Мама засмеялась и подумала, что случился праздник – День революции, хотя была весна.

Но бабушка сказала:

– Детям вредно есть конфеты. От этого портятся зубы. Уходи, Давид. Не надо тебе здесь быть. Не надо, чтобы тебя здесь видели.

Она боялась, что за ним снова придут, и неизвестно, что тогда будет.

* * *

Бабушка оказалась права: за ним действительно пришли – в сорок восьмом.

В дверь звонили и стучали – беспорядочно и напористо.

– Открывайте. К Давиду Файману. Ордер на арест.

– Бог мой! – бабушка открыла дверь.

– Где он?

Слова застряли у бабушки внутри, превратив горловые жилы в натянутые веревки.

Гости шагали широко – так широко, как можно шагать по семиметровой комнате, заглядывали под кровать и под стол.

– Ну, так что? – голос звучит с нескрываемой угрозой.

Бабушка с трудом выдавила слова наружу:

– Его нет.

– Где прячется?

– Он не прячется. – Бабушка вдруг замолкла. Но потом сглотнула и добавила: – Он умер.

– Умер, говоришь? А может – в сортире сидит? Со страху в штаны наложил?

Бабушка заставила себя сдвинуться с места, подошла к старому деревянному буфету, вытянула наружу маленький ящичек и стала искать в глубине. Ящичек сопротивлялся и поскрипывал, пытаясь утаить сокровенное. Но рука, наконец, нащупала в ворохе бумажек нужную.

– Пять лет назад. В сорок третьем. Вот похоронка.

Похоронка пришла на чужое имя – ведь во время войны бабушка уже не была дедушкиной женой. Бумагу принесла Маня, двоюродная дедушкина сестра.

– Вера! Давид тебя любил. Оставь это себе.

Тот, что был главным, хмуρο взял похоронку и стал читать.

«...рядовой ... погиб в сражении под городом Орел при обороне деревни ... Похоронен...»

– Эй, прикрепи к делу. – Он сунул бумажку другому, развернулся и направился к выходу, бормоча сквозь зубы: – Жиды чертовы. Умер он!

Остальные двинулись следом. Кто-то мимоходом пнул ногой стул. Бабушка – все так же медленно – подняла его и села. А потом, глядя мимо мамы пустыми глазами, сказала:

– Где бы мы были, останься он жив? Он умер – и это лучшее, что он мог для нас сделать.

Глава 3

– Предала! Предала! Предала!

Я знаю: маме больно это слышать, – и получаю злое удовольствие.

Разговоры о бабушке – это моя подростковая месть. В данный момент – за то, что мама не пустила меня в бассейн. Все девчонки поехали, а я – нет. Нельзя плавать в бассейне просто так. Бассейн без тренерских групп – опасное место. Там могут облапать.

Она никуда меня не пускает: боится, что я потеряю невинность. Она все время учит меня, как надо себя вести. Как должна вести себя девушка.

И я думаю – с обидой и раздражением: у нее устаревшие взгляды на жизнь.

Разве она может меня учить?

Она даже не сумела удержать рядом с собой отца.

* * *

Я помню, как уходил отец – не глядя на маму, деловито, без видимой спешки, аккуратно укладывал вещи в рюкзак: на дно – тяжелое, в карман – ложку с миской. Так, чтобы не гремели.

Мама позвала нас с Витькой обедать, а отец все собирался. Она сказала:

– Может, поешь?

– Некогда.

Куда он торопился? Потом заглянул в кухню, кивнул – непонятно кому:

– Все. Пока. Напишу.

И ушел.

Мне было тогда пять лет. Но я это помню.

* * *

Я вообще хорошо его помню.

Такой большой, веселый, весь в снегу.

Наш дом стоял в овраге. Зимой склоны оврагов превращались в настоящие высокие крутые горки – с ледяными накатами и трамплинами.

Иногда по выходным отец гулял со мной и братом. Он обожал кататься на санках. И всегда выбирал санки без спинки.

– Эй, команда! Налетай! – кричит он, плюхаясь животом на сиденье.

Мы с восторгом устраиваемся на его огромной спине.

– Ну, поехали! – отец объявляет о старте с веселой угрозой и начинает отталкиваться руками, направляя санки к обрыву. Мы тихонько поскуливаем от удовольствия, вцепляясь в его куртку, и пытаемся усесться понадежнее. Санки, достигнув критической точки, вздрагивают и ныряют носом вниз, с каждой минутой разгоняясь все больше. Отец ловко направляет их движение, отталкиваясь то руками, то ногами. Мы уже верещим в голос, и отец, заставив санки подпрыгнуть на трамплине, наконец сбрасывает нас в снег. А сам мчится дальше, совершая немыслимые виражи вокруг одиноких берез и продлевая санный путь до рекордной отметки – к восхищению окружающей публики.

Потом мы вваливаемся домой, мокрые, с ног до головы облепленные снегом.

– Это что за три поросенка явились? – с притворным недовольством спрашивает мама. – Нет, два поросенка и белый медведь! Вот я сейчас вас веником!

Она начинает обметать с нас снег, мы увертываемся, а отец под сурдинку норовит сунуть ей за шиворот заготовленный снежок.

– Ой! – взвизгивает мама. – Вот я тебе задам! – и шлепает веником по его плечам и спине. Он легко и весело уклоняется, потом вдруг, ловко перехватив ее руку, прижимает к себе и целует.

А мы кричим:

– Папа! Расскажи, как мама русалкой была. Как ты ее из реки вытащил!

– Как-как? Смотрю – русалка в реке плавает! Ничья. Нырнул, за хвост уцепил, вытащил и высушил. А потом обогрел и обласкал!

Мать при этом всегда заливалась краской.

* * *

Я представляю, как это было. Как бабушка говорит маме:

– В поход? Ты с ума сошла! Ты хоть понимаешь, что это такое – спать на сырой земле? Хочешь застудить почки? И как ты будешь подмываться в лесу, ты подумала?

Но мама не слушает. Она мечтает сбежать, давно мечтает сбежать от бабушки. От ее вечного крика и поучений. Куда-нибудь, хотя бы на время, где ничего этого не будет, а будут деревья, много воздуха, смелые люди. Людка говорила, там очень красиво: закаты, прозрачная вода. Если мама увидит деревья, их отражение в воде, она сразу поверит в Китеж. Мама хочет поверить.

Тогда бабушка решается на последний аргумент:

– Тебе – что – девушкой быть надоело?

Мама сжимает губы и решает обязательно идти.

* * *

– Эй, Петрушка! Ты видела, как командир на тебя пялится?

Людка – опытная туристка. Она полжизни проводит в лесах. А мама – новенькая. Она и еще один парень, Ваня. Они со второго курса. Остальные пятеро – старшекурсники, уже обтертые, бывалые. Девушек всего две – мама и Людка. «Командир» – отец. Он инструктор, ведет группу. Это он прозвал маму Петрушкой – за косички. В городе мама носила пучок. Но шпильки по лесным условиям оказались слишком ненадежным «крепежом», и мама стала заплетать две короткие упругие косички, торчавшие в стороны.

– Ты меня слышишь? Будь начеку! Командир, если глаз положит, своего добиваться будет. Поняла?

Маме не до командира. Ей вообще ни до чего. Она почти не видит обещанных Людкой красот: взгляд не имеет сил наслаждаться. Жизнь поедается физическими усилиями. Маме никогда не приходилось столько грести. Или столько идти. И тащить. У нее ноют плечи и руки. И ноги все время мокрые. А ноги должны быть сухими, иначе простудишь женские органы. Внушенный бабушкой страх вдруг оказывается навязчивым, неотступным.

– Эй, там, у Петрушки! Впереди поворот! Будьте внимательны. Заходите последними. Не торопитесь! Не отставайте!

Этот маршрут, он считается легким. И этот поворот реки тоже. Но Ване трудно. Мама ему почти не помогает. Даже мешает. И зачем его только посадили с мамой?

– Будешь плыть аккуратнее, когда с тобой пассажир. А так, с непривычки, лихачить начнешь!

– Ну, ты психолог, командир! – язвит Людка. – И где тебя таким премудростям учили?

– На бороде!

– Оно и видно!

Ваня не лихачит. Он старается быть аккуратным. Но не может все время контролировать маму. И на этом дурацком повороте мама умудряется зацепиться веслом за корягу. Ваня не видит. Он только чувствует, что лодка отказывается подчиняться. Они застряли. Остальные уже далеко впереди, причалили к берегу.

– Давай, давай! – кричит командир.

Ваня «дает» как-то неправильно – и мир переворачивается вверх ногами, становится холодным и мокрым. Мама перестает соображать. Ваня зацепился за лодку, а ее сильно отбросило в сторону. Она еще худо-бедно удерживается на поверхности, но река швыряет ей в лицо пригоршни воды, и она хлебает, хлебает. Может, она уже тонет?

– Мужики, ловите лодку!

Отец бежит по берегу, на ходу сбрасывая сапоги, и прыгает в воду. Он хорошо плавает, мой будущий отец, – так же хорошо, как катается на санках. Мама чувствует рывок за ворот и короткий приказ:

– Дыши!

Она со звуком втягивает в легкие воздух.

– А теперь гребите! Шевели руками! Шевели, говорю! Помогай!

Отец тянет ее к берегу, стараясь удерживать лицо над водой. На берегу их уже ждут: три пары рук помогают отцу с его ношей выбраться из реки.

– Парень в порядке? – коротко спрашивает отец, аккуратно усаживая маму на землю.

– В порядке. Поплевал маленько – и все. А Петрушка?

– Нормально, – отец вертит мамино лицо из стороны в сторону. – Нормально. Ставим лагерь.

– Помочь?

– Сам справлюсь. – И хочет взять маму на руки.

– Пусти, я пойду!

– Ну, давай. Осторожненько. Испугалась?

Мама молча кивает.

– Эй, а ну-ка – не дрожи так.

Отец находит свой рюкзак, вытаскивает одежду – для себя и для мамы, шерстяные штаны и тельник:

– На-ка, переоденься. Пока палатки ставим.

Мамины вещи промокли. Отец мог бы взять вещи у Людки, но хочет видеть маму в своем. Она уходит за кусты и пытается приладить на себя смену. Все ужасно большое. Как и отец. Штаны спадают. К счастью, в кармане находится веревочка, и мама подвязывает ее у пояса, закатывает штанины и рукава. Вырез тельника слишком велик и открывает слишком много. Мама зажимает его спереди в горсть и в таком виде появляется у костра. Все на нее оборачиваются. Кто-то присвистывает.

– Ну и декольте, Петрушка! Ты неотразима! Сплошной соблазн. – Мама не понимает, шутит Людка или говорит всерьез.

– На-ка, выпей! – Ей протягивают чашку с горячим.

Маме приходится наклониться вперед, она забывается и протягивает руку. Тельник предательски обвисает. Мама в ужасе прихватывает его и прижимает к груди. Чай разлетается обжигающими брызгами, чашка падает на землю.

Людка хохочет:

– Ну, ты даешь, Петрушка! Прямо французское кино. Мужики сейчас спортом побегут заниматься!

Отец цыкает на Людку и говорит, обращаясь к маме:

– Сиди, подам. И сырое повесь на веревку. С ночевкой – рокировка. Ваша с Людкой палатка промокла. Людка пойдет спать к ребятам, а ты – сюда.

Мама думает, что веревка у костра общая, и как же она повесит здесь лифчик. Ведь все увидят. Трусы – ладно. А вот лифчик...

Людка ухмыляется:

– Считаешь добычу законной, командир?

– Молчи у меня.

– Волчище ты серый!

– Завидно?

– Еще чего! Я Ваньку греть пойду. Он тоже тонул, а ему – ноль внимания.

– Вот и сходи.

Людка уходит. На прощанье она делает маме какие-то знаки, но мама думает только про лифчик: как она повесит его на веревку у костра. А если на елку, за палаткой, он же к утру не высохнет. Лифчика не было в списке снаряжения. И она не взяла сменный. Она забыла, что все в рюкзаке промокло.

– Иди, укладывайся, Петрушка.

Мама послушно бредет к указанной палатке. И только заползая в спальник, понимает, что это – палатка отца. Она сворачивается в клубок и начинает дрожать – от пережитого напряжения и того, что надвигается. И так, не в силах унять дрожь, погружается в полудрему. Скоро голоса у костра смолкают, и отец оказывается рядом. Он крепко обхватывает ее поперек живота, прижимает к себе и спрашивает:

– Ну, что ты, девочка? Ведь все в порядке? Правда?

Маме не кажется, что все в порядке, она только сильнее дрожит. А отец еще сильнее прижимает ее к себе и все шепчет:

– Тише, тише! – Как будто ее дрожь способна чему-то помешать.

Рука отца ныряет под тельник и находит мамину грудь. Мама дергается, но маленькая грудь только глубже погружается в его большую ладонь. Пальцы отца умело теребят и выкручивают сосок, и эта часть тела начинает жить своей жизнью, ласкаясь и нежась, прося еще. Мама краем сознания удивляется, что это может быть с ней, и выгибается, откидывая голову. Но не успевает за ним. Он дышит все чаще, рывком поворачивает ее на спину, тяжело наваливается и шарит по бедрам, освобождая от штанов.

– Нет, нет, нет!

– Ну, что ты, что ты! Все хорошо, все хорошо! – и быстро, мелко-мелко целует – снова вшею, и в грудь, заставляя отвлечься. Но мама чувствует, все равно чувствует, как что-то чужое, инородное, совсем неласковое пробивается к ней, грозя ужалить. И боится.

– Нет, пожалуйста, не надо!

Он не хочет остановиться, не может. Потом успокаивается, перестает давить, осторожно целует в закрытые глаза, подбирая губами слезы:

– Ты что – в первый раз? Дурочка моя...

Шарит рукой в углу палатки, находит какую-то тряпку:

– Подложи пока. Пойду воды согрею.

Отец возится у костра, пробует воду пальцем, снимает кан с огня и отправляет маму за кусты – мыться, а сам ждет, чтобы в нужный момент отвести к палатке. Мама тихая, послушная – как после тяжелой болезни. Они залезают в спальник. И отец снова прижимает ее к себе, гладит по голове и дышит в растрепавшиеся волосы. Он впервые называет маму по имени:

– Слышь, Анечка! Ну-ка – взгляни на меня: выйдем с маршрута – поженимся.

* * *

Лес был его царством, с понятным порядком, с ясным делением на мужское и женское, с четким определением функций – прозаичных и героических одновременно. Он научил маму видеть обещанные закаты и росу, приносящую облегчение натрудившейся за день траве, чувствовать густой лесной запах, натянутый на верхушки деревьев птичьими голосами.

И мама ходила, почти не касаясь земли, потому что отцовское чувство подняло ее в воздух и окутало с головы до ног. И все другие мужчины тоже теперь на нее смотрели, хотя она осталась все той же – маленькой, подросткового еще сложения, не какая-то особенная красавица. Не только на маршруте, но и потом, в городе, на нее вдруг стали бросать взгляды, выделяя из толпы, вежливо уступая место, заглядывая в глаза, – такую ауру желанности несла она с собой. И Людка уже не смеялась, а лишь удивлялась и уважительно замечала: «Петрушка! Командир от тебя совсем спятил. Как это ты его? Вроде весовые категории у вас разные!»

...Лес был его царством.

Сначала лес, потом – тундра.

Глава 4

- Поедем на Север, Аня! Там есть работа. Хорошая. За большие деньги.
- Это для тебя есть работа.
- И ты как-нибудь устроишься.
- Я не хочу «как-нибудь». И Север – не лучшее место для детей. Витька и так из болезней не вылезает.
- На Севере тоже люди живут!
- Я – не «люди». Я – это я. И почему ты всегда думаешь сначала о себе?
- Почему – о себе? Я о нас думаю. Хочу, чтоб мы вместе поехали.
- По-твоему, я должна все бросить и тащиться за тобой в тундру? По полгода не видеть света? Чтобы мои дети забыли, как выглядят яблоки? Знаешь, я тебе не жена декабриста!
- И он отвечает – с жесткой усмешкой:
- Забыл. Ты – другой породы: отказалась – и нет проблем. Кажется, так у вас в роду принято?

* * *

- Мам, а жена декабриста – это кто?
- Были такие женщины. Их мужья назывались декабристами – потому что подняли в декабре восстание. Декабристы хотели убить царя. Но у них не получилось, и их схватили. Пятерых – самых главных – сразу казнили, а остальных отправили в Сибирь, в ссылку.
- Они были плохие?
- Нет, хорошие. Наверное, хорошие. Они были передовыми людьми и хотели улучшить жизнь.
- А их жены тоже хотели?
- Их жены сначала ничего не знали. Это были мужские дела. Но когда декабристов отправили в Сибирь, их жены поехали туда за ними.
- Почему?
- Что – почему?
- Почему поехали?
- Не хотели бросать своих мужей. Хотели быть рядом с ними, чтобы поддерживать.
- А бабушка?
- Что – бабушка?
- Бабушка не поехала?
- При чем тут бабушка?
- Ну, она не поехала к дедушке?
- Бабушка не могла поехать. Дедушку отправили в лагерь. Далеко, на Север. Ему даже письма писать не разрешили.
- Он был декабрист?
- Нет. Он был инженер. Хороший инженер. Железнодорожник.
- Он хотел убить царя?
- Никого он не хотел убить. Твой дедушка был очень добрый человек. Просто сказал не к месту, что у Сталина могут быть ошибки.
- А Сталин был царь?
- Никакой не царь.
- А кто?
- Людоед в пальто.

Я смеюсь. Людоед – это такой голый, волосатый, с большим ножом у пояса. А сверху – пальто.

Мама вздыхает.

– Ты будешь спать, наконец?

* * *

Поначалу отец писал. И присылал деньги.

Мама не отвечала, но читала мне его письма.

Отец рассказывал, что теперь все время катается на санках. Ведь в тундре три четверти года лежит снег. Много снега. Целое море или даже океан. А у отца есть снегоход – большие санки с мотором. И он ездит на этом снегоходе в стойбища к ненцам. Он вроде связного между городом и тундрой. Первопроходец.

Еще отец много и подробно писал про ненцев.

Ненцы разводят оленей. Олень для ненца – все: и бог, и брат, и дитя. И пища, и одежда, и кров. Олень для ненца – жизнь.

В тундре ценен тот, у кого много оленей. Хороший оленевод – хороший человек. Мрут у хозяина олени, не плодятся – такой человек худой. А ненцы всегда старались быть хорошими. Тысячу лет старались.

Но это – вчерашний день, пережитки старого уклада. Теперь этой первобытной ненецкой жизни пришел конец.

Вышло постановление: всех оленеводов собрать в совхозы – чтобы олени стали общими и не было неравенства. Ведь это безобразие – когда один человек хороший, а другой – плохой. Надо, чтобы все были одинаковыми. И пусть ненцы пасут оленей, где велено, а не где вздумается. Потому что ненцы своих оленей совсем избаловали: что олени хотят, то они и делают. Это не по-советски.

А чтобы ненцам легче было пасти оленей, их детей нужно забрать в интернаты. Взрослые ненцы не умеют читать и писать, и дети их тоже не умеют. Они не учатся в школе, а мотаются по тундре со стадами и мешают наступлению эпохи всеобщей грамотности.

В нашей стране так быть не может: все должны учиться в школе. Пусть Ася об этом помнит, когда пойдет в первый класс. Пусть старается. Не будет стараться – ее, как ненца, в интернат отправят. И будет она там по полгода жить без мамы. Без мамы – еще ладно. Так там надо на кроватях спать. А маленькие ненцы очень боятся спать на кроватях, потому что кровати высоко над землей и можно упасть. Раньше-то они никаких кроватей не видели: ведь в чумах кроватей нет. Конечно, можно было бы сделать, как ненцы привыкли, – положить ковры и на них постелить спальники. Но у нас положено, чтобы дети спали на кроватях. Во всех интернатах – на Юге и на Севере. Поэтому ненецкие дети поначалу спят очень плохо, тревожно. А иногда, когда им особенно страшно, перебираются под кровати и строят там чум из одеял. Это ужасная первобытность и нарушение дисциплины. Воспиталки на детей сильно гnevаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.